

Концепция делиберативной демократии Ю. Хабермаса в современной теории политической коммуникации

Линде Андрей Николаевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Москва, Россия

E-mail: anlinde@mail.ru

В современной политической науке можно утверждать, что теория политической коммуникации и теория демократии находятся в сильной взаимосвязи, заключающейся в следующем. Так, ряд исследователей выделяют проблему кризиса в теории демократии, рассмотренную ещё в первой половине XX в. в "теории элит" Р. Михельсом, модели "элитарной демократии" Й. Шумпетером, вновь проанализированную в 80-е гг. Д. Дзолло, К. Краучем и др. Они указывают на зависимость указанных ими проблем демократического режима от существующей практики политической коммуникации, её теоретического изучения.

Й. Шумпетер, для обоснования своей теории элитарной демократии, стремится доказать несостоятельность основных понятий классической теории демократии, "Общее Благо", и направленную на его достижение "общую волю" народа. Выражение "общего блага", как он утверждает, неосуществимо: представления граждан включают не только рациональные стремления, но и «высшие ценности»[1], несогласуемые при помощи логики в рациональном обсуждении. Поэтому, не имеет значения связанная с ним "общая воля". Отсутствие политической воли у граждан связано с низким уровнем политической вовлечённости. Это обусловлено определённым функционированием политической коммуникации, политические представления задаются элитами за счёт СМИ, используются манипулятивные технологии для навязывания задаваемых картин мира и "символического" значения действительности. У граждан нет действительного восприятия политической реальности, понимания правил политической деятельности, они не могут сформировать ответственное политическое действие. Политическая воля, общественное мнение фабрикуются государством в своей легитимации.

Вместе с тем, в обществе важны не только уровень государственного аппарата, но и гражданского общества, не только технократический механизм управления, но и непосредственный "жизненный мир" общества в многообразии его проявлений, не только точный научный анализ экспертов, ориентированный на эффективность, но и разные глубокие культурные смыслы, только в связи с которыми совершается деятельность людей.

Для того, чтобы обосновать подлинно демократическую теорию,

Ю. Хабермас стремился решить следующие задачи. Во-первых, он разрабатывал правила коммуникации, благодаря которым возможен всеобщий, рациональный, универсальный диалог для достижения подлинного консенсуса отдельных политических вопросов и установления Общего блага. Во-вторых, он стремился определить условия для формирования, саму сущность разумной общественной воли, ответственного политического действия, формулируя его как «коммуникативное действие».

Г. Лассуэлл, У. Липпманн и др. исследовали коммуникацию как односторонний процесс, модель «исследования воздействия»[2], граждане предстают только «послушными автоматами, подвергавшимися систематическому»[3] воздействию СМИ, не изучается, что «информация воспринимается неоднородно на индивидуальном уровне»[4], отрицается способность человека к субъективному, личному восприятию, интерпретации информации, в соответствии со своими ценностями и предпочтениями. Следовательно, важно было

создать подход к коммуникации как диалогу между равноправными, но индивидуально воспринимающими действительность, испытывающими разные ценностные предпочтения участниками.

Поэтому, Ю. Хабермас использует методологию "критически ориентированных" наук, преследующий интерес эмансипации общества. Для раскрытия убеждений самих граждан служит гермневтико-феноменологический подход, разработанный Э. Гуссерлем, Х.-Г. Гадамером, направленный на понимание собственных взглядов и предпочтений граждан, составляющих мнение общественности, сообщению которых служит коммуникация.

Центральным для феноменологического подхода является понятие "жизненного мира". Э. Гуссерль определяет «жизненный мир» как совокупность субъективных, непосредственных представлений людей о себе, окружающем мире, которые всегда изначально заданы в повседневном жизненном опыте, не объективно заданных, а субъективных взглядов, норм и ценностей людей, религиозных предпочтений.

Учёный пишет о необходимом сохранении, рационализации структур жизненного мира, основой которого является взаимопонимание. Он выдвигает понятие коммуникативной рациональности, она утверждается не за счёт эффективности, эмпирического познания, а взаимопонимания, консенсуса и согласованности между людьми.

В коммуникативном действии акторы также преследуют достижение цели, но при взаимном согласии, равенстве, взаимопонимании, стремлении принять точку зрения Другого, существовании некоторой договорённости, только при которой акторы могут преследовать те или иные цели. Они определяются при прояснении и восприятии, в ходе обсуждения, не только личного, но ставшего после обмена точками зрения общего, intersubjectивного смысла действия. При этом, консенсус обогащается восприятием индивидуальных точек зрения, не определяется окончательно, а может быть изменён и пересмотрен.

В коммуникации налаживается взаимопонимание между людьми с различными картинками мира, «равное уважение к каждому распространяется не на себе подобных, но на личность... других в их инаковости» [5] Взаимопонимание достигается не через внешнюю к индивидам, принудительную системную интеграцию, а непосредственную, межличностную, общесоциальную коммуникацию. Сохранение взаимопонимания обеспечивает самоорганизацию гражданского общества, что служит также поддержанию демократического режима.

Ю. Хабермас разрабатывает определённые принципы обсуждения, только благодаря которым возможно достижение подлинного, не навязанного внешне консенсуса. Он обозначает их в модели "идеальной речевой ситуации":

1. Все потенциальные участники обладают правом начать дискурс по проблемным общественным вопросам и продолжить его.
2. Все участники дискурса обладают равными возможностями представить свои точки зрения, обосновать их или опровергнуть другие.
3. Все участники правдивы в отношении своего "внутреннего мира", «своих установок, чувств и намерений» [6].
4. На точки зрения участников и сам дискурс не оказывают влияния "внешние принуждения" реальности: социальное положение, влияние граждан, учитывается значение самого аргумента.

Поэтому, коммуникативное действие позволяет гражданам ориентироваться на согла-

шение, консенсус друг с другом, в ходе аргументации, для влияния обосновывая дальнейшее направление развития политики. Но Ю. Хабермас не отрицает значения представительной власти, «только политическая система может «действовать» [7].

Проекты и постановления исполнительной власти должны быть опосредованы обсуждением общественности. Ю. Хабермас пишет, что «коммуникативные структуры публичной сферы формируют обширную сеть воспринимающих элементов, которые реагируют на давление общественно-распространённых проблем и стимулируют влиятельные мнения. . .» [8]. Универсальный, рационализированный политический дискурс способен вовлечь все заинтересованные стороны и подчиняется силе аргументации, а не экономическому или политическому принуждению. Политическая коммуникация исходит не из единого источника в административной власти, а формируется в рамках обсуждений в гражданском обществе. Универсальность, рациональность обсуждения приводит не к достижению личных интересов властных групп, а к всеобщему обсуждению и пониманию общего блага общества, его достижению.

[1] Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. [Электронный ресурс] // Шумпетер: [сайт]. 2007. URL: <http://www.schumpeter.ru/reading.php?book=kapital&id=21#4> (дата обращения 03.12.2015)

[2] Гуторов В.А. Политические коммуникации и СМИ как факторы эволюции теории демократии // SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014, с. 335.

[3] Гуторов В.А. Политические коммуникации и СМИ как факторы эволюции теории демократии // SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014, с. 338.

[4] Гуторов В.А. Политические коммуникации и СМИ как факторы эволюции теории демократии // SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014, с. 338.

[5] Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Спб.: Наука, 2001, с. 48.

[6] От критической теории к теории коммуникативного действия. Эволюция взглядов Ю. Хабермаса. Тексты (сост.: Алхасова А.Я.) Ульяновск: УлГТУ, 2001, с. 92.

[7] Habermas J. Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy. Massachusetts Institute of Technology, 1996, p. 300.

[8] Habermas J. Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy. Massachusetts Institute of Technology, 1996, p. 300.